

А. БОГДАНОВ И А. ПЛАТОНОВ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В статье ставится вопрос о характере влияния творческого наследия А. Богданова на становление художественного мира Андрея Платонова. Делается вывод о том, что Платонов испытывал глубокий интерес к тектологической концепции Богданова как в период формирования своей художественно-эстетической системы, так и на протяжении всего творческого пути. Многие проблемы, которые поставил и пытался решить А. Богданов, подверглись серьезному переосмыслению и вошли в основу этико-онтологической системы А. Платонова. К таким художественным концептам относятся идея всеобщей организации природы, тема единства форм материального мира, «энергетический вопрос», проблема «собирания» человека в «единое вещество существования».

Творческое наследие А. А. Богданова (1873–1928) оказало большое влияние на развитие русской литературы начала XX века. Не только рабочие поэты, создатели и участники Пролеткультов были знакомы с теориями Богданова, но и многие другие писатели, в том числе и А. Платонов, глубоко восприняли идеи «всеобщей организационной науки».

Сам подход, учитывающий, что формирование художественной картины мира А. Платонова проходило в тесном взаимодействии с литературно-идеологическим контекстом эпохи, стал уже традиционным в исследовательской практике. Обращаясь к теме «Платонов и Богданов», нельзя забывать о том вкладе, который внесли в ее изучение многие исследователи. Так Н. М. Малыгина подчеркивает важность идей Богданова для всего творчества А. Платонова, начиная с самого раннего периода, и указывает на неоспоримое и устойчивое влияние в разработке такой значимой для художественного мира Платонова проблемы, как организация природы усилиями человеческого разума и путем механизации труда¹. В работе Е. Толстой-Сегал также делается вывод о том, что «общей теоретико-философской базой молодого Платонова является тектология Богданова»².

Вопрос о позиции журналиста-Платонова в дискуссии о пролетарской культуре, идеологом которой был А. Богданов, о принятии его концепции и полемике с ним остается за рамками данной статьи.

Цель нашей работы — выявить те основополагающие для художественного мира Платонова темы и концепты, на становление которых повлияло знакомство и изучение тектологической концепции Богданова, заявленной им в отдельных трудах, статьях в сборниках и пролеткультовских журналах, в художественных произведениях.

Глубокий интерес А. Платонова к трудам Богданова подтверждается не только тем, что в статьях и произведениях Платонова присутствует скрытое цитирование богдановских текстов, но и тем, что одной из базовых, фундаментальных проблем всего платоновского творчества стала тема переустройства мира.

Главная цель богдановской тектологии — всеобщая организация, то есть приведение мира и человека в идеальное гармоническое состояние — оказывается в ряду многих других широко известных идеологических и художественных схем преобразования мира, созданных в начале XX столетия. Эта идея провозглашалась представителями самых различных направлений мысли той эпохи. Теория единого знания и восхождения, разработанная символистами, стремление к мировой революции у Маяковского, Гастева и пролетарских поэтов, идея «сотворчества Богу», проповедуемая Бердяевым, монистический взгляд на вселенную, утверждаемый Циолковским и русской энергетической школой, наконец, кон-

цепция «ноосферы» Вернадского — все это варианты актуальной в эпоху революции мысли о всеобщем преобразовании. Некоторые исследователи, в том числе Е. Толстая-Сегал и Н. В. Корниенко, полагают, что с трудами Н. Федорова, концепциями О. Оствальда, Э. Маха, русской энергетической школой, идеями Циолковского, Тимирязева, Вернадского, биокосмистов Платонов мог первоначально познакомиться именно при чтении произведений А. Богданова.

«Во всей борьбе человечества со стихиями его задача — власть над природою. Власть — отношение организатора к организуемому. Человечество шаг за шагом приобретает, завоевывает ее; это значит, что оно шаг за шагом организует мир — организует для себя, в своих интересах... Природа сопротивляется ему, стихийно и слепо, со страшною силою своей темной, хаотической и бесконечной армии элементов». Так начинает Богданов одну из своих основных книг «Всеобщая организационная наука» (1912). Эти слова могут быть определением того дела, которое творит герой платоновской «Голубой глубины» (1922) — Пролетариат.

*Льем мы новую железную вселенную,
Радостнее света и нежней мечты...*³

*В волне кровавой поля рыдают,
Мы выпрямляем путей изгиб*⁴.

Именно переустройство мира лежит в основе концепции этой поэтической книги. Герой строит новый мир, потому что биологический путь развития старого мира ведет к смерти и природы, и человека. Платонов не раз вкладывает в уста своих героев богдановские определения природы: природа стихийна, слепа, опасна, безумна, бессознательна, хаотична. Теми же знаками в произведениях Платонова маркируется состояние смертельной опасности для живой материи. «Гада бестолковая!» — определяет природу сокровенный человек Платонова. Во многих произведениях на глазах героя жизнь уничтожается под снеговыми за-

носами, наступающими песками и пустынями, в буйстве морской стихии, в огне и мусорном ветре. «Историческое время и злые силы свирепого мирового вещества совместно трепали и морили людей»⁵, — пишет Платонов.

Поэтому пока существует самое глубокое противоречие, выявленное Богдановым, — «между стихийностью и сознательностью, между слепым действием сил природы и планомерными усилиями людей»⁶ — мир не может быть организован.

Создатель всеобщей организационной науки в своих художественных произведениях постарался показать, как надо действовать и что необходимо сделать с миром для его организации. В фантастических романах Богданова жители Марса проповедуют его философию и сталкиваются с теми же трудностями, что и земные люди. Осуществленный социализм на Марсе, своеобразный рай на красной планете, явились результатом правильного с точки зрения тектологии поведения людей. Но перед идеальным марсианским обществом стоит вторая задача — борьба с природой и восстание на вселенную.

В статье «Новое евангелие» А. Платонов обращается к читателям: «уничтожь природу такую, какая есть, и из ее хаоса создай иную, человеческую, или природа тебя уничтожит»⁷, буквально повторяя мысль героини романа «Красная Звезда» (1908) — «У нас царствует мир между людьми, это правда, но нет мира со стихийностью природы и не может его быть. А это такой враг, в самом поражении которого всегда есть новая угроза»⁸. Инженеры-изобретатели, руководящие Великими работами по переустройству Земного шара, становятся героями следующего романа А. Богданова «Инженер Мэнни» (1913) и платоновских «фантастических» рассказов 20-х годов. Мэнни руководит строительством канала в Ливийской пустыне, искусственным орошением и борьбой с пустынями. В результате взрывных и инженерных работ пригодная для жизни и плодородная тер-

ритория Земли удваивается⁹. Подобные проекты по изменению рельефа Земли реализуются Вогуловым (фантазия «Потомки Солнца», 1922), мечтавшим уничтожить старую и создать новую вселенную. В повести «Эфирный тракт» герои растопили тундру, чтобы там можно было жить новым людям.

Тема борьбы с природой во многом определяет концепцию истории в художественном мире А. Платонова. Если раньше «Мир раскаленный был враждебен», «Живое солнце в красных жилах / Дробило землю на куски»¹⁰, когда человек и земля были заключены в рамках циклического природного времени, и их силы истощены в вечном круговороте смертей-рождений (см., например, «Путь в горы», «Топот», «Домой»), то теперь «история больше не даст перебоя». Эти поэтические строки «Голубой глубины» равноценны вполне богдановскому определению истории, данному Платоновым в статье «Пролетарская поэзия»: «История есть путь к спасению, через победу человека над вселенной. И мы идем к бессмертию человечества и спасению его от казематов физических законов, стихий, дезорганизованности, случайности, тайны и ужаса»¹¹. В определении снова появляются знаки негармонического и опасного состояния мира. Мировая история вступает в завершающую фазу, которая знаменует собой победу над природой и создание нового мира.

Практически полностью следуя логике богдановской мысли, Платонов объясняет появление нового героя, творца и завершителя истории — Пролетариата. В статьях и стихотворениях описан этот властелин природы, «его душа — сознание», а «конечная станция — постижение сущности мира»¹². Этот новый человек обладает двумя уникальными качествами-орудиями, которых были лишены люди всех предыдущих исторических эпох, а именно новым типом мышления и методом, при помощи которого Пролетариат организует мир в своих интересах.

Новый тип мышления Богданов называет «эмпириомонизмом», или «единой

точкой зрения на мир». Для богдановских героев: пролетариата, марсиан и инженеров-изобретателей вселенная представляет собой «беспредельно развертывающуюся ткань форм разных типов и ступеней организованности, от неизвестных нам элементов эфира до человеческих коллективов и звездных систем»¹³. Зная, что каждое явление мира состоит из активностей/сопротивлений, человек ставит перед собой задачу организовать эти активности, сделать их более приспособленными к своей среде, то есть сделать их более совершенными, лишив активность природы хаотичности и безумия. Подобная монистическая онтологическая концепция оказалась близка художественному миру Андрея Платонова. Именно таким взглядом на вселенную, обусловленным знанием единства ее форм, наделяет Платонов своих сокровенных героев, начиная с пролетариев «Голубой глубины»:

*Ты прекрасней чудес, но слепая...
Твое сердце на небе и в топке,
В нашей мысли, в летящей звезде,
Ты в былинке унижена робкой
И бессмертная в каждом листе*¹⁴.

Вселенная и каждая ее мельчайшая составляющая вплоть до атома понимается как живое тело, активное вещество существования. Поэтому платоновские герои утверждают, что революция есть не социально-политическое явление, а живой организм, «тот же человек, только в огромных размерах»¹⁵, что «эфир — это генеральное тело», что «электрон суть микроб, то есть живое тело, и пусть целая пучина отделяет его от такого животного как человек, принципиально это одно и то же!»¹⁶.

Тем же единством характеризуются в этико-онтологической системе А. Платонова различные формы энергии. «В каждом явлении вселенной мы имеем налицо все формы энергии (в сущности, единую), но воспринимаем эти формы соответственно устройству своих органов чувств... то как звук, то как цвет...»¹⁷.

Энергетическая концепция мира, согласно которой все в мире связано с процессами превращения и перехода одной энергии мира в другую подробно излагается в тектологических трудах А. Богданова: в основе мироздания лежит теория электромагнитных колебаний, или «волн». «Волны в воде, звуковые колебания воздуха, тепловые вибрации в твердых телах, электрические, световые и «невидимые», от герцевских до рентгеновских; а на другом конце вселенной «вращения» небесных тел также могут быть представлены как сложные периодические колебания... Но эта модель столь же неограниченно применима и в области жизни. Таковы пульс и дыхание, работа и отдых каждого органа, бодрствование и сон организма. Смена поколений представляет ряд накладывающихся одна на другую волн, — настоящий «пульс жизни» в веках»¹⁸. Анализ наследия Богданова, и произведений Платонова 20-х годов позволяет сделать вывод, что теории электромагнитных колебаний, световых волн интересовали Богданова, но для Платонова они стали фундаментом его этико-онтологической системы.

Знаменательно, что тот же Богданов поставил целью развития единой организационной науки решение «энергетического вопроса»¹⁹. «Использовать всю энергию целиком — это идеальный предел технического совершенства... Согласно закону энтропии, каждое превращение энергии сопровождается переходом некоторой ее части в теплоту. Ее возрастание через энтропию не должно еще рассматриваться как абсолютная потеря энергии для интересов общества, отчасти найдет себе в будущем применение и эта доля работы стихийных сил, теперь бесполезная и вредная»²⁰. Эти слова Платонов повторяет в нескольких статьях, кроме того, решением энергетического вопроса занимаются герои многих его произведений, этот процесс становится сюжетообразующим мотивом рассказов 20-х годов. Подобно межпланетным путешественникам романа «Красная звезда», герои Платонова ис-

пользуют электрическую и солнечную энергию для полетов на другие планеты, в частности Иван Кобчиков с инженером-электротехником прибывают на бордовую планету, где учредили рай. Причем для полета инженеры из «Рассказа о многих интересных вещах» используют энергию атомов-пылинок; этот метод был уже описан Богдановым как открытие и использование «минус-материи».

Однако связь с концепцией, выраженной в произведениях Богданова, не исчерпывается такими явными тематическими схождениями. Главным в платоновских произведениях становится не ситуация покорения межзвездного пространства, а его способ, открытие и использование энергии «перенапряженного света». Инженеры-изобретатели бьются над постижением тайны света и электричества — «Приключения Баклажанова» (1922), «Потомки Солнца» (1922), «Потомки Солнца. Фантазия» (1922), «Рассказ о многих интересных вещах» (1923). Елпидифором Баклажановым, которому Платонов отдал один из своих псевдонимов, «был разрешен энергетический вопрос (получение наибольшего количества полезной энергии с наименьшим живым усилием), выражением которого и была вся человеческая история»²¹. Так решение энергетического вопроса для Платонова представляется целью истории (см. статью «Свет и социализм») и дает человеку возможность выполнения второй задачи — восстания на вселенную. При помощи ультрацвета, энергии, находящейся за гранью материи, а значит и этой вселенной, инженер Вогулов («Потомки Солнца. Фантазия») может погубить и создать новую вселенную. Этот же момент показан в стихотворении «К звездным товарищам»:

*На земле, на птице электрической
Солнце мы задумали догнать и погасить.
Город, улетающий в сверкающем железе —
Небо прорывающий таран*²².

Если создатель тектологии утверждает, что при помощи единой точки зрения

на мир пролетариатом будет выработана всеобщая организационная наука, опирающаяся на знание о единстве опыта, об энергетической концепции, но не говорит конкретно, что это будет за наука, то Андрей Платонов уже в статьях и рассказах начала 20-х годов дает название этой новой науке — электрификация.

Можно предположить, что электрификация в художественном мире Платонова является одним из важнейших поэтических концептов, обладающих обширной семантикой. Это не обозначение использования электрической энергии, а универсальный метод переустройства мира, инструмент, при помощи которого история придет к своему счастливому завершению, потому что изучение и проникновение в тайны электричества позволит решить энергетический вопрос, окончательно победить вселенную и построить коммунизм. «Электрификация есть осуществление коммунизма в материи — в камне, металле и огне»²³. «Электрификация есть начало освобождения человечества от угнетения материей, от борьбы с природой за изменение ее форм из вредных и негодных в полезные и прекрасные»²⁴, — напишет Платонов в статье «Золотой век, сделанный из электричества».

Процесс всеобщей организации и победы над природой, который творится Пролетариатом, обладающим единой точкой зрения на мир и решившим энергетический вопрос, не может быть завершен без учета еще одного важного аспекта. Чтобы переделать мир, человек должен переделать и себя. Преобразование физической и духовной человеческой природы есть еще одна обширная тема, подтверждающая глубокую и тесную связь художественного мира А. Платонова с тектологической концепцией.

Эту тему в платоновском поэтическом языке раскрывает семантика знака «самодельность». Пролетариат — самодельные люди. Деметафоризация образа подчеркивается в стихотворениях «Голубой глубины», где преобразование вещества охватывает человека: в машине, в горне

гибнет испуганная «душа божья» и тела, которые «жили и рожали и любили», как и земля, заключенные в вечной безысходности физического времени. Уже в ранних стихотворениях происходит рождение Нового Героя. В рассказе «Потомки Солнца» описывается результат этого преобразования, когда на земле остались лишь люди «без чувств, без сердца, но с точным сознанием, с числовым разумом людей, не нуждающихся долго ни в женщинах, ни в пище и питье, и видящих в природе тяжелую свислую необтесанную глыбу, а не бога, не чудо, и не судьбу»²⁵. Перечисленные качества человека новой эпохи согласуются с критериями идеального пролетария, определенными в романе Богданова «Красная звезда»: «...в человеке должно быть как можно больше здоровья и честности, способности к разумному труду, как можно меньше личных привязанностей к Земле, как можно меньше индивидуализма»²⁶.

Важно отметить, что тема самодельности несет в себе отголоски концепции «собрания человека», созданной Богдановым в рамках тектологии, потому что связана с мотивом объединения людей. По мысли Богданова, в ходе истории происходило все большее разделение, «дробление» человечества, в результате чего работник умственного труда не имеет ничего общего с рабочим, выполняющим предельно простые механические действия. И по закону активностей/сопротивлений в XIX веке возникло стремление к собиранию человека, которое и совершит класс пролетариата. Эти же слова вполне мог произнести и Платонов, считавший специализацию, «дух профессионализма» переходной формой труда на пути к объединению трудовых усилий человечества в борьбе с природой (см. статьи «К начинающим поэтам и писателям», «Будущий Октябрь»).

В контексте тектологии «собрание» тождественно по значению организации, согласованию. «Самоорганизация человечества есть борьба с его внутренней стихийностью, биологической и социальной», — говорил Богданов²⁷.

Концепт «самодельность/собираение», основным значением которого является объединение человечества, служит ярким примером платоновского осмысления богдановских тем, идей и концепции. В романе «Инженер Мэнни» подробно раскрывается процесс собирания человека. Необходимо взять «активные атомы (личности), связать их высшей связью, их стихийно-противоречивое сотрудничество сделать гармоничным и стройным, слить их в едином разумном организме человечества»²⁸. Таков смысл нового сознания, начало которого в рабочих организациях»²⁹. Под первой частью этого определения Платонов мог бы поставить свою подпись, а вот заключительная фраза для автора «Счастливой Москвы» неприемлема и показывает, насколько своеобразно и далеко его мировоззрение от марксистского социально-демографического детерминизма Богданова. Платоновский Пролетариат — это не сумма согласованно действующих и мыслящих личностей, членов классового общества, не «творческий боевой коллектив»³⁰, а единство сокровенных людей на уровне живого вещества существования. Это человечество, которое «уже не чувствует себя толпой людей, а сросшимся, физически ощущаемым телом»³¹. В 1922 году Платонов скажет: «Человечество идет к синтезу личностей и в характере, и в телесности»³².

Таким образом, разница в понимании субъекта истории, преобразователя мира, Пролетариата оказывается принципиально важной и объясняет, почему Платонова, безусловно испытывавшего в период становления своей этико-онтологической системы сильное влияние тектологической концепции Богданова, нельзя в полной мере назвать последователем автора «Всеобщей организационной науки».

При общности тем и проблем, интересовавших обоих художников, наблюдается различное отношение к этим проблемам и их освещение в творчестве. Так мотив подражания природе, вытекающий из онтологической установки единства форм материи и энергии, природы и че-

ловека, занимает немаловажное место в художественных картинах мира Богданова и Платонова. Богданов считает подражание природе закономерным явлением, приводя многочисленные примеры того, что «между стихийной организующей работой природы и сознательно планомерно — людей — нет принципиального, непереодоимого различия. Человек придает ту же форму своим лодкам и кораблям, причем воспроизводит и строение скелета рыбы: киль и шпангоуты в точности соответствуют ее позвоночнику и ребрам. Посредством «паруса» перемещаются семена многих растений, животные с летательными перепонками; человек усвоил метод паруса и широко применяет его на памяти истории»³³. Для Платонова эта проблема оказывается гораздо глубже и важнее. Воспринятая у Богданова концепция единства человека и мира в художественном сознании Платонова превращается в принципиально важную характеристику сокровенного человека: именно такой герой, выражающий мироотношение автора, «постигает сущность мира» — единство (читай «тождество») каждого явления в природе. Поэтому Самбикин в романе «Счастливая Москва» узнает, что «человеческое тело летало в каких-то погибших тысячелетиях назад. Грудная клетка человека представляет свернутые крылья»³⁴, а героиня романа любит электричество как будто сама есть электричество.

Понимание всеобщего единства делает мир драгоценным для сокровенного человека. Вспомним, что Маркун, герой одноименного рассказа, определяет свою победу над миром как объединение с ним: «...я уничтожил, растворил себя в нем и тем победил. Только сейчас я начал жить. Только сейчас я стал миром»³⁵. В той же этической парадигме лежит стремление Сарториуса «открыть в самом течении человеческого сознания мысль, работающую в резонанс природы и отражающую поэтому всю ее истину»³⁶. Для автора «Счастливой Москвы» остается навсегда верным утверждение, что «человек в истинном смысле» есть

«человек, живущий в согласии со своими природными законами»³⁷, живущий в резонанс с природой. В этико-онтологической системе Платонова не возникает противоречия между стремлением переустроить мир и победить стихийные силы природы и пониманием природы как высшей ценности. Вполне в духе богдановских размышлений Платонов считает, что нужно подчинить вредные стихийные воздействия природы планомерным усилиям людей, но подчеркивает при этом, что человек бьет природу «оружием ее же законов, он не насилует ее, а приспосабливается к ней». Эти слова можно назвать определением мироотношения самого Платонова и его сокровенных героев.

Это знание о единстве вещества существования Платонов никогда не подвергнет критике, в отличие от марксистского социального аспекта единения людей в классовый коллектив, проповедуемого Богдановым. В произведениях градовского цикла — «Город Градов» (1927), «Государственный житель» (1927), «Усомнившийся Макар» (1930) — можно усмотреть явную полемику с богданов-

ским пониманием коллектива. Социальное, а не энергетическое, единство вырождается в бюрократию, в мертвое тело Государства, в результате чего стихийные силы одерживают над пассивным «государственным жителем» окончательную победу. В ироническом ключе Платонов вспоминает труды Богданова, когда Шмаков пишет произведение «Советизация как начало гармонизации вселенной» и умирает за работой над книгой «Принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно-регламентированными поступками на каждый миг бытия», а за окнами в это время бушует «дикая стихия неупорядоченного мира».

В заключение отметим, что наличие общих тем для творчества А. Богданова и А. Платонова не исчерпывается рассмотренными в данной работе и требует более подробного изучения. Однако эти художественные концепты являются базовыми для этико-онтологических систем обоих художников и подчеркивают индивидуальность и своеобразие их художественных миров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее об идее механизации труда в творчестве А. Платонова см.: *Малыгина Н. М.* Художественный мир А. Платонова. М., 1995.

² *Толстая-Сегал Е.* Идеологические контексты Платонова // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994. С. 53.

³ *Платонов А.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 38.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ *Платонов А.* Счастливая Москва. Повести. Рассказы. Лирика. М., 1999. С. 106.

⁶ *Богданов А.* Всеобщая организационная наука. СПб., 1912. С. 42.

⁷ *Платонов А.* Чутье правды. М., 1990. С. 72.

⁸ *Богданов А.* Красная звезда. СПб., 1908. С. 76.

⁹ Интересно отметить тематическое сходство сюжета романа «Инженер Мэнни» и повести Платонова «Епифанские шлюзы» (1927) с описанием того, как проводились великие работы по строительству канала, но проект инженера, направленный на совершенствование мира, был сорван из-за стихийных природных сил и неправильного поведения людей (недовольство, возмущения рабочих, извращение новым руководством работ, суд над инженером).

¹⁰ *Платонов А.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 38.

¹¹ *Платонов А.* Чутье правды. М., 1990. С. 193.

¹² Там же.

¹³ *Богданов А.* Всеобщая организационная наука. СПб., 1912. С. 22.

¹⁴ *Платонов А.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 31.

¹⁵ *Платонов А.* Чутье правды. М., 1990. С. 69; Там же. С. 27.

¹⁶ *Платонов А.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 251.

¹⁷ *Богданов А.* Всеобщая организационная наука. СПб., 1912. С. 51.

¹⁸ *Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии. М., 2000. С. 18.

¹⁹ Подробнее об «энергетическом вопросе» см.: *Барит К. А.* Поэтика Прозы Платонова. СПб., 2001; *Уайт Х.* Платонов и теория относительности: Заметки о современной структуре повести «Котлован» // «Страна Философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М., 2000.

²⁰ *Богданов А.* Философия Живого опыта. М., 1923. С. 268.

²¹ *Платонов А.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 144.

²² Там же. С. 34.

²³ *Платонов А.* Чутье правды. М., 1990. С. 157.

²⁴ Там же. С. 147.

²⁵ *Платонов А.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 142.

²⁶ *Богданов А.* Красная звезда. СПб., 1908. С. 31.

²⁷ Там же. С. 96.

²⁸ В этой связи можно вспомнить тот факт, что Богданов тоже говорит о «конъюгации тел», и можно предположить, что в качестве руководителя Институтом переливания крови в Москве в 20-е годы Богданов пытался на деле доказать возможность единения людей с помощью обмена крови.

Заметим, что некорректно бы было связывать факты биографии Платонова с увлечением различными теориями, в том числе и проектами по переделке земного шара. Так, будучи электротехником и мелиоратором, Платонов по свидетельству современников всегда был осторожен и старался не нарушить природного баланса в процессе мелиоративных работ.

²⁹ *Богданов А.* Инженер Мэнни. СПб., 1913. С. 87.

³⁰ *Богданов А.* Философия Живого опыта. М., 1923. С. 30.

³¹ *Платонов А.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 144.

³² *Платонов А.* Чутье правды. М., 1990. С. 120.

³³ *Богданов А.* Всеобщая организационная наука. СПб., 1912. С. 41.

³⁴ *Платонов А.* Счастливая Москва. Повести. Рассказы. Лирика. М., 1999. С. 30.

³⁵ *Платонов А.* Собрание сочинений: В 5 т. М., 1999. Т. 1. С. 211.

³⁶ *Платонов А.* Счастливая Москва. Повести. Рассказы. Лирика. М., 1999. С. 39.

³⁷ *Платонов А.* Чутье правды. М., 1990. С. 39.

N. Bocharova

A. BOGDANOV AND A. PLATONOV: A PROBLEM DEFINITION

The main purpose of this article is to present a new aspect in the studying of Platonov's works. The scholar describes Platonov's interest in Bogdanov's tectological conception. The article focuses on the dialogue between two aesthetic systems that has effect on Platonov's works. Such concepts of his fiction world as «laws of nature», «organization of matter» and «energetic question» might be thought of as inversion of Bogdanov's philosophical project.